же трудности, что и в случае с Пифагором; подобно тому, как неопифагорейцы приписывали все Пифагору, так члены новой академии поступали с Платоном. Правда, они не приписывали ему крупных математических открытий, но они охотно связывали с его именем употреблявшиеся в его время методы и изображали его также советником тех ученых, благодаря которым были достигнуты успехи в математике.

Как ни малоправдоподобны все эти факты, Платон тем не менее остается тем учеником Сократа, который больше всех прочих явился инициатором духовного оживления, привлекшего из всех греческих государств и колоний в Афины людей, стремившихся к знанию. И, во всяком случае, исключительное значение имеет то обстоятельство, что он живо интересовался математикой и ее успехами. Может быть, только легендой является рассказ, будто он приказал начертать на входе в академию надпись: μηδεὶς ἀγεωμέτρητος εἰσίτω — пусть никто не знающий геометрии не входит сюда, но тем не менее из его собственных сочинений ясно, что он считал известное знакомство с геометрией необходимым предварительным условием для понимания философии, а спекуляции, которым он предается в Тимее, в связи с пятью правильными многогранниками обеспечили им навсегда название *платоновых тел*.

Живший после него великий философ Аристотель, много занимавшийся естественными науками, тоже несколько интересовался математическими науками, не обнаружив, впрочем, особенно глубокого понимания их. Но, во всяком случае, отношение обоих этих мыслителей к математике было таково, что математики могли найти для себя место в тогдашних научных обществах, академической школе Платона и перипатетической школе Аристотеля и работать в них в сотрудничестве с другими мыслителями. Математика и философия могли, таким образом, оказывать влияние друг на друга как своими мирными отношениями, так даже и раздорами. Благодаря этому математика стала одним из элементов высоко развитой греческой культуры, а форма, в которую были облечены математические науки в эту эпоху, убедительнее всего показывает, что они развились в кружках утонченных мыслителей, стремившихся выражаться с полной точностью.

Но одна школа имела еще более непосредственное влияние на развитие математики, чем эти знаменитые рассадники философии: мы имеем в виду математическую и естественно-научную школу, группировавшуюся во времена Платона в торговом городе Кизике, расположенном на берегу Мраморного моря, вокруг очень авторитетного врача, астронома и математика Эвдокса книдского.

Молодым человеком Эвдокс посетил Великую Грецию и Египет. В последнем греческому математику в эту эпоху почти нечему было учиться по геометрии, но зато в астрономии для него имели огромную ценность ведшиеся с древнейших времен наблюдения египтян. И Эвдокс сумел использовать их надлежащим образом,